

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1, 811.111-26

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-81-97

«НЕИЗВЕСТНЫЕ» ЦИТАТЫ В РОМАНЕ Р. ЖЕЛЯЗНЫ “CREATURES OF LIGHT AND DARKNESS” КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ганна Алексеевна Филатова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: gphilatova@gmail.com

Аннотация. Важным интертекстуальным явлением, позволяющим, с одной стороны, включить произведение в контекст уже существующих текстов, а с другой — актуализировать игру с читательскими ожиданиями, являются прецедентные высказывания. Цитата в художественном произведении потенциально способна выполнять множество функций: она может служить прямым указанием на автора или конкретное произведение, может подразумевать широкий культурный кругозор читателя, может формировать внутренний контекст произведения (отсылая к якобы существующим работам самих персонажей) и т.д. Целью статьи является анализ прецедентных высказываний в романе Р. Желязны “Creatures of Light and Darkness”, для которого в целом характерно широкое использование прецедентных феноменов разных типов и уровней. В качестве иллюстративного материала использованы три русских перевода романа Р. Желязны. Основной метод исследования — сопоставительный семантико-синтаксический анализ. Ряд цитат в романе Р. Желязны изначально предполагает некоторую «недосказанность», «недоговорённость», когда читатель или должен обладать широким кругозором, чтобы опознать отсылку к прецедентному тексту, или должен попробовать догадаться, о чем идёт речь. Особенно интересен случай, когда источник цитирования неизвестен и неопознаваем, — так возникает интерпретационная лакуна, служащая вызовом читателю. Переводчики ищут способы передать и одновременно компенсировать подобную недоговорённость разными средствами, включая в отдельных случаях уничтожение самой недоговорённости (например, вводя указание на претексты, хотя в оригинальном

произведении этого нет). Результаты исследования позволяют определить перевод, наиболее близкий к оригиналу в прагматическом плане, а также сделать выводы о некоторой преемственности переводов.

Ключевые слова: цитирование, прецедентный текст, перевод, сопоставительный анализ, Р. Желязны

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РФФ (грант № 23-18-00260 «Дискурсивный и прагматический потенциал грамматики глагола в русском языке в сопоставлении с другими славянскими и английским языком»).

Для цитирования: Филатова Г.А. «Неизвестные» цитаты в романе Р. Желязны “Creatures of Light and Darkness” как проблема переводческой интерпретации // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 1. С. 81–97. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-81-97

Статья поступила в редакцию 06.07.2023;
одобрена после рецензирования 08.04.2024;
принята к публикации 20.04.2024.

“UNKNOWN” QUOTATIONS IN R. ZELAZNY’S NOVEL “CREATURES OF LIGHT AND DARKNESS” AS A PROBLEM OF TRANSLATION INTERPRETATION

Ganna A. Filatova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: gphilatova@gmail.com

Abstract. Precedent statements are an important intertextual phenomenon that makes it possible to include the work in the body of already existing texts but to actualize the game with the readers’ expectations. A quotation has the potential to perform many functions: it can serve as a direct reference to the author or a specific work, it can imply a broad cultural outlook of the reader, it can form the internal context of the work, as if these quotations were taken from texts invented by the characters themselves, etc. The aim of the article is to analyze the precedent statements in the novel of R. Zelazny “Creatures of Light and Darkness”. The extensive use of different types and levels of precedent phenomena characterizes this fiction novel as a whole. Three Russian translations of R. Zelazny’s novel were used as illustrative material. The method of research is contrastive semantic-syntactic analysis. A number of quotations in the novel

© Filatova G.A., 2024

by R. Zelazny's novel initially assumes some "understatement", when the reader either has to have a broad outlook in order to recognize the reference to the precedent text, or must try to guess what it is about. It is especially interesting when the source of the quotation is unknown and unrecognizable, so there is an interpretive lacuna that serves as a challenge to the reader. Translators look for ways to convey and simultaneously compensate for this reticence by various means, including, in some cases, eliminating the reticence itself (e. g. by introducing a reference to pretexts, although this does not exist in the original work). The results allow us to identify the translation that is closest to the original in pragmatic terms, as well as to conclude that there is some continuity in the translations: while the earlier translations are significantly different, the later translation uses some of its predecessors' solutions.

Keywords: citation, precedent phenomena, translation, contrastive analysis, R. Zelazny

Acknowledgement. The study was written with the support of the Russian National Science Foundation (project No. 23-18-00260 "Discursive and pragmatic potential of Russian verb grammar in comparison with other Slavic languages and the English language").

For citation: *Filatova G.A.* (2024) "Unknown" quotations in R. Zelazny's novel "Creatures of Light and Darkness" as a problem of translation interpretation. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal*. 1. P. 81–97. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-81-97

The article was received July 10, 2023;
approved after reviewing on April 08, 2024;
accepted for publication on April 20, 2024.

Введение

Прецедентные феномены входят в ядро языковых средств хранения и трансляции культурной информации и представляют собой важную часть когнитивного сознания лингвокультурного сообщества. Подобные интертекстуальные единицы — важный элемент моделирования сферы адресата. Н.А. Фатеева отмечает, что интертекстуальные ссылки способны к выполнению конструктивной, текстопорождающей функции интертекстуализации (Фатеева, 2000: 38), тем самым дополняя классическую модель функций языка по Р.О. Якобсону (Якобсон, 1975: 4–8). В частности, интертекстуальные элементы могут выполнять апеллятивную функцию языка: употребление таких единиц формирует отсылку к определённому

типу адресата — тому, кто сможет эту отсылку в тексте опознать и адекватно оценить, какая информация за ней стоит, что именно подразумевалось автором, какие конкретно лингвокультурные и лингвосоциальные аспекты необходимо учесть для правильного понимания текста. Изучение того, как функционируют подобные отсылки в текстах, насколько они потенциально понятны адресату и насколько возможно сохранить их при переводе, является актуальной задачей исследования.

Материалы и методы

Статья посвящена анализу интертекстуальных цитат в романе Р. Желязны “Creatures of Light and Darkness”. Включение таких единиц является значимым элементом игры с прецедентными феноменами, характерной для данного произведения в целом. Объектом исследования являются преобразования прецедентных текстов — цитатных комплексов при переводе на русский язык, а в качестве материала используются русские переводы романа Р. Желязны “Creatures of Light and Darkness”. Первоначально это было некоторое письменное упражнение (Kovacs, 2009), и сам Желязны не планировал его публиковать, однако впоследствии, поддавшись уговорам писателя С. Дилэни, всё же выпустил роман: в 1968–1969 гг. текст с некоторыми сокращениями появился в журнале научной фантастики “If”, а немного позже роман был издан в виде одной книги в издательстве “Doubleday” (Нью-Йорк). Задуманная «экспериментальность» текста проявилась в сочетании элементов разных литературных родов, жанров и функциональных стилей: при том, что большая часть текста представляет собой стандартный третьеличный нарратив в рамках художественного функционального стиля, в нём довольно много лирических фрагментов, эпилог оформлен как пьеса, а монологи одного из героев построены по принципам жанров официально-делового функционального стиля; кроме того, текст насыщен обращениями к имплицитному адресату, что превращает классический нарратив в более сложный комплекс.

Перевод романа на русский язык был впервые опубликован в 1992 г. — это перевод В. Лапицкого «Порождения света и тьмы» и два анонимных перевода от издательства «Див» и от издательств «Топикал», «Тонар»; в 1993 г. был выпущен перевод М. Денисова и С. Барышевой «Создания света — создания тьмы». В 2003 г. (спустя 10 лет) вышел последний из известных на данный момент переводов «Создания Света, Создания Тьмы», выполненный коллективом переводчиков издательства «Центрполиграф», работавших

под псевдонимом А. Ганько. В нашей статье мы сосредоточимся на изучении авторизованных переводов.

Используемый метод исследования — сопоставительный семантико-синтаксический анализ, при котором можно рассмотреть материал «в ракурсе интерпретации смыслов, заложенных автором текста, и функций, реализуемых задействованными им языковыми средствами» (Уржа, 2016: 55; Уржа, 2020: 75). Метод позволяет проанализировать, как переводчики справились с проблемой распознавания и атрибуции цитат в романе и как различные переводческие стратегии могли повлиять на интерпретацию текста читателем.

Прецедентные высказывания в романе Р. Желязны

В романе Желязны соединяет футуристические технологии с элементами фэнтези и включает в текст большое число разнообразных прецедентных феноменов (Гудков, Красных, Захаренко, Багаева, 1997: 83), которые должны быть известны потенциальному читателю для наиболее полного понимания сюжетных отсылок и аллюзий. При этом в роман включаются прецедентные феномены разных типов (Там же: 83). Чаще всего встречаются прецедентные имена, которые уже сами по себе заставляют читателя декодировать определённые смыслы. Упоминаемые личности — как реально существующие, так мифические и вымышленные — опознаются как некоторые знаковые фигуры и самим фактом упоминания отсылают к целому ряду культурных пластов. Основным источником заимствований прецедентных имён для романа стала египетская мифология (боги Сет, Осирис, Анубис, Гор, Исида), но также Желязны использовал и мифы других культур (греческие Тифон и Цербер, скандинавские Норны).

Прецедентные высказывания для данного романа Желязны являются важным средством воздействия на адресата (читателя), поскольку их использование, в том числе в переосмысленном виде, стимулирует необходимость задумываться не только над сюжетом, но и над дополнительными смыслами, которые вносят цитаты. Прецедентное высказывание — это «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть и не быть предикативной» (Захаренко, 2000: 46), при этом необходимо отметить, что прецедентное высказывание входит в когнитивное пространство целиком, то есть воспринимается как единица, не требующая привлечения контекста для опознавания (Там же: 47).

Прецедентные феномены вне зависимости от своего источника (реальные исторические деятели и события или литературные и мифологические произведения) обладают разной степенью узнаваемости. Если упоминается какая-либо прецедентная единица, то возникающие ассоциации связаны как с ней самой — это может быть конкретная фраза или текст, личность или событие, — так и с целым комплексом смыслов, которые существуют вокруг неё (например, историческая личность не мыслится в отрыве от прецедентных ситуаций, в которых действовала, литературный персонаж не существует в отрыве от прецедентного текста и порождаемых высказываний), тем самым актуализируется ряд представлений. При этом, разумеется, читатель должен быть способен распознать возникающую языковую и смысловую игру, а для этого ему необходим некоторый «базовый» набор знаний. Однако В.В. Красных отмечает, что прецедентные имена и прецедентные высказывания, играя роль средства апелляции к такому тексту, хотя и «могут выступать в качестве символов прецедентных текстов», скорее предполагают наличие в когнитивной базе не самого текста, а его «инварианта восприятия» (Красных, 1997: 8); таким образом, отдельные феномены являются вполне распознаваемыми даже в том случае, если читатель не читал источник или слабо представляет себе характеристики упомянутой личности.

Данное исследование не ставит целью выявить и точно определить терминологические различия между терминами «интертекстуальность» и «прецедентность». Кроме того, понимание интертекстуальности само по себе является дискуссионным, а определение границ этого термина зависит от исследователя (см., например, систематизацию определений интертекстуальности (Петрова, 2017)). Однако во избежание путаницы оговорим, что в данной работе вслед за И.В. Арнольд мы будем определять интертекстуальность как «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» (Арнольд, 1999: 356), в таком случае прецедентные высказывания мы понимаем как конкретные средства выражения интертекстуальных связей.

Для переводчиков включение цитат в роман может стать как самой лёгкой частью работы над текстом — когда нужно просто найти перевод источника цитаты на русский язык, — так и довольно серьёзной проблемой: начиная с ситуаций, когда существует несколько равнозначных переводов источника и заканчивая ба-

нальной необходимостью увидеть и опознать цитату в тексте. Рассмотрим, какие трансформации использовали переводчики Желязны, чтобы передать и форму, и значение интертекстуального элемента.

(1) R. Zelazny¹:

«*The Prince Who Had Been A Toad touches a red spot on his shoulder, says to Vramin, "Did you not know that it has been written, 'Be kind to bird and beast'?"*² "*Kipling*," says Vramin, smiling. "Also, the *Koran*"».

(1a) В. Лапицкий³:

«*Принц Который Был Жабой потирает красное пятно у себя на плече и говорит Врамину:*

— *Ты что, не знаешь, что написано было: "Добр будь к птице и зверю"?*

— *Киплинг*, — *говорит, улыбаясь, Врамин. — А ещё — Коран*».

(1b) М. Денисов, С. Барышева⁴:

«*Принц-Который-был-Жабой дотрагивается до красного пятна на плече и говорит Фрамину: — Разве не знал ты, что сказано: "не обижай птицу и зверя"?*

— *Верно, сказано, — отвечает Фрамин, улыбаясь. — У Киплинга. И ещё в Коране*».

(1c) А. Ганько⁵:

«*Принц-Что-Был-Жабой потирает красное пятнышко на плече и укоряет Врамину:*

— *Разве не знал ты, что сказано: "Будь милостив к птице и зверю"?*

— *Киплинг*, — *улыбается Врамин. — А также Коран*».

В примере 1 в тексте прямо даётся указание на источник цитаты, причём данный источник не связан с миром, в котором развивается действие — в нём, судя по всему, мир, в котором расположена планета Земля, существует, но в числе «прочих миров», о которых не сообщается ничего конкретного. Высказывание персонажа отсылает к внефикциональной действительности — миру читателя

¹ Здесь и далее цит. по: Zelazny R. *Creatures of Light and Darkness* (Электронный ресурс). Режим доступа: https://bookscafe.net/read/zelazny_roger-creatures_of_light_and_darkness-156503.html#p1.

² В примерах все подчёркивания выполнены автором статьи.

³ Здесь и далее цит. по: Желязны Р. *Порождения Света и тьмы* / Пер. с англ. В. Лапицкого. М.: «Э», 2017. С. 11–252.

⁴ Здесь и далее цит. по: Желязны Р. *Создания света — создания тьмы* / Пер. с англ. М. Денисова, С. Барышевой. М.: Аргус, 1993. С. 15–173.

⁵ Здесь и далее цит. по: Желязны Р. *Создания Света, Создания Тьмы* / Пер. с англ. А. Ганько. М.: Центрполиграф, 2003. С. 5–217.

и тем текстам, которые существуют в нём (это Коран и произведения Р. Кипплинга). При этом поиск корректного источника цитаты оказался затруднён. Можно предположить, что формулировка в оригинале актуализирует стихотворение Кипплинга «Баллада о Востоке и Западе», однако в таком случае точная цитата должна была бы выглядеть как “do good to bird and beast”; кроме того, у Кипплинга контекст предполагает другую трактовку данной строки: «сделать добро птицам и зверям» означает оставить им убитых в бою людей. Возможно, это отсылка в целом к произведениям Кипплинга, показывающим важность сохранения живой природы и бережного отношения к ней. Указание на Коран имеет схожую природу: с одной стороны, источник цитаты эксплицирован, но с другой, не вполне очевидно, о какой конкретно суре идёт речь. При этом практически полное соответствие данной цитате можно найти в поэме А. Остина “A Tower of Babel: A Poetical Drama”: “We must be kind to bird, and beast, and tree, even as to man” (акт V, сцена IV) (Austin, 1874: 219), что вполне может соотноситься с ироническим использованием этой фразы Врамином. Однако представляется маловероятным, чтобы Железны включил заведомо ошибочное двойное указание на автора, использовав при этом цитату из не самого популярного, а потому с трудом опознаваемого произведения.

Значительных различий между переводами не наблюдается, поэтому читатель, даже имея только некоторое общее представление о Коране и творчестве Кипплинга, потенциально способен понять отсылку.

(2) R. Zelazny:

«“What fools these mortals be,” says the green man, who is one of the few persons living able to put quotation marks around it and know why».

(2a) В. Лапицкий:

«— “Как безумен род людской”, — говорит зелёный человек, один из горстки живых существ, способных взять эту фразу в кавычки — и знать почему».

(2b) М. Денисов, С. Барышева:

«— Какие дураки эти смертные, — усмехается зелёный человек, один из немногих живущих, способных сказать так и знать почему».

(2c) А. Ганько:

«— Какие глупцы все эти смертные! — усмехается зелёнобородый, ибо он принадлежит к числу тех немногих живущих, кто вправе делать подобные замечания».

Пример 2 представляет собой более сложный случай интертекстуального включения, поскольку в реплику персонажа включена точная цитата из другого произведения, но при этом ни в самом тексте, ни в сносках нет указаний на атрибуцию. В английском тексте «зелёный человек» использует крылатое выражение из комедии У. Шекспира “A Midsummer Night’s Dream” («Сон в летнюю ночь», акт III, сцена 2). В отличие от примера 1, где источник выражения, пусть и не вполне определённый, был эксплицирован, в данном случае имеется указание на цитатный характер высказывания: *one of the few persons living able to put quotation marks around it* (тот, кто может взять фразу в кавычки — то есть процитировать). Учитывая, что в фикциональной вселенной Шекспира (как и Киплинга, и Корана) предположительно не существует, такое высказывание снова смешивает мир произведения и реальный мир читателя. При этом не только в оригинале, но ни в одном из переводов нет указания на конкретное произведение, откуда цитата взята, тем самым предполагается довольно высокий уровень культурного фона даже у русскоязычного потенциального адресата.

В переводе Лапицкого фраза выглядит более возвышенно и претенциозно (за счёт краткой формы прилагательного «безумен» и перифразы «род людской»), что хорошо согласуется с дальнейшим раскрытием личности персонажа — он волшебник и поэт, вполне закономерно, что он и сам использует специфическую лексику, и цитирует произведения определённых стилей и жанров. В других переводах структура высказывания очень близка, и расхождение состоит в первую очередь в использовании конкретных лексем («дураки» — «глупцы»).

Разница между переводами связана не только с различной задачей самого высказывания, но и с полным отсутствием в переводах Денисова — Барышевой и Ганько какого-либо указания на цитатность фразы. Только в переводе Лапицкого используется атрибутированный перевод комедии, выполненный Т. Щепкиной-Куперник, — таким образом, если адресат знаком с творчеством Шекспира в её переводе, он способен распознать и оценить отсылку. В остальных вариантах перевода данный метатекстовый комментарий опущен, что нельзя объяснить какими-то прагматическими задачами, поэтому невозможно с точностью определить, является ли данное высказывание реминисценцией на какое-либо реальное произведение или это просто реплика персонажа. Возможно, это связано с тем, что сами переводчики не смогли опознать данное выражение как цитату.

(3) R. Zelazny:

«A line comes into Vramin's head: *“Die Luft ist kuhl und es dunkelt, und ruhig fließt der Rhein.”* He does not recall the source, but knows the feeling».

(3a) В. Лапицкий:

«Строка приходит в голову Врамину: *Die Luft ist kuhl, und es dunkelt, und ruhig fließt der Rhein.*

Он не помнит, откуда она, но ему знакомо заложенное в ней чувство».

(3b) М. Денисов, С. Барышева:

«В голове Фрамина проходит давняя полузабытая строка: *“Die Loft ist kohl und es dunkelt, und ruhig fließt der Rein”*. Он не помнит, откуда она, но ощущение ему знакомо».

(3c) А. Ганько:

«В голове Врамина мелькает строчка: *“Die Luft ist kühl und es dunkelt, und ruhig fließt der Rhein”*. Источника он не помнит, но ощущение знакомо».

(3d) анонимный перевод⁶:

«В голову Брамина приходит строчка из стихов немецкого поэта о берегах Рейна. Он не помнит её источника, но ощущение ему знакомо».

Пример 3 примечателен тем, что прецедентное высказывание не просто включается в произведение, но даётся на немецком — языке оригинала стихотворения. Это строка из стихотворения Г. Гейне “Die Lorelei”, однако в тексте романа снова наблюдается отсутствие указаний на атрибуцию (например, в виде вербализованного комментария, как в примерах выше, или сноски). Интересно, что переводчики романа полностью повторили эту идею для самого текста (цитата так же даётся на немецком языке), однако во всех вариантах приводятся сноски с переводом строки на русский язык и указанием автора:

«Воздух свеж и темно, и течёт спокойно Рейн. (Гейне)» — в переводе Денисова — Барышевой,

«Темно, и свежестью веет, и Рейна тих поток» (Гейне) — в переводе Ганько;

и единственный вариант с включением автора — в переводе Лапицкого:

«Прохладой сумерки веют,

И Рейна тих простор.

Генрих Гейне (Пер. А. Блока)».

⁶ Цит. по: Желязны Р. Создания Света, Создания Тьмы... / Пер. с англ. М.: Топикал; Тонар, 1993. С. 5–148.

У Лапицкого при этом указывается не только автор немецкого текста, но и автор русскоязычного варианта. В случае с другими переводами не вполне понятно: это либо авторский перевод с немецкого, либо малоизвестный перевод этого стихотворения. Нами были проанализированы 7 наиболее известных переводов “Die Lorelei”⁷, и во всех случаях эта строка выглядит иначе. Если допустить, что и у Денисова — Барышевой, и у Ганько это авторский перевод немецкой строки, то интересно отметить, что вариант Ганько представляет собой контаминацию предыдущих переводов. В немецком тексте первый предикат — составной именной (*ist kühl*), два следующих — простые глагольные (*dunkelt*, *fließt*). В переводе Блока полностью меняется структура предложения: два первых предиката сворачиваются в признаковые существительные (*прохлада*, *сумерки*) и добавляется другой предикат (*веют*), а в последнем простом предложении полностью перестраивается грамматическая основа, и вместо *ruhig fließt der Rhein* (‘тихо течет Рейн’) получается именной предикат и другой субъект — «Рейна тих простор». У Денисова — Барышевой структура предложения достаточно близка к оригиналу: только один глагольный предикат заменяется на предикатив (*темно* вместо *es dunkelt* (‘темнеет’)). В переводе же Ганько мы видим разные кусочки: предикатив «темно», как в переводе Денисова — Барышевой, и предложения «свежестью веет» и «Рейна тих поток» — как у Блока, с незначительными различиями в лексике. Если бы переводчики «Центрполиграфа» переводили, используя только немецкий оригинал, маловероятно, что у них получилось предложение, так же отличающееся от текста Гейне, как и у предыдущих переводчиков.

Для данного примера достаточно интересно привести и вариант анонимного перевода: в нём совсем отсутствует цитата, зато довольно условно передано содержание (единственное верно проинтерпретированное слово — название реки) добавлено указание на некоторого автора. Вероятно, анонимный переводчик не был знаком с немецким языком и не стал рисковать и пытаться его перевести или найти уже существующий вариант на русском языке.

(4) R. Zelazny:

«“Were it not for the fact that he had promised to give my name back to me-
my real name-before I slay him, I would not have agreed to do this thing for him.”
“I realize that, Lord Randall, my son”, says Vramin».

⁷ Переводы А. Блока, Н. Вольпина, В. Левика, А. Майкова, С. Маршака, Л. Мей, В. Шнейдера.

(4а) В. Лапицкий:

«— <...> Если бы он не обещал мне вернуть моё имя — моё настоящее имя — перед тем, как я убью его, я бы не согласился на это.

— Понятно мне это, Лорд Рэндалл, мой сын».

(4б) М. Денисов, С. Барышева:

«— <...> Если бы он не обещал мне вернуть моё имя — моё настоящее имя, — прежде чем я убью его, я бы не согласился.

— Это я понимаю, лорд Рэндалл, сын мой, — говорит Фрамин».

(4с) А. Ганько:

«— <...> И не пообещай он назвать моё имя — моё истинное имя, перед тем как я его убью, я ни за что не согласился бы на это.

— Всё понятно, лорд Рэндалл, сын мой, — кивает Фрамин».

Пример 4 — распространённый для данного произведения случай использования прецедентного текста «из внетекстовой реальности». «Лорд Рэндалл, сын мой» — это завершающая куплеты формула из народной шотландской баллады “Lord Randal”. В оригинальном тексте у читателя нет никакой подсказки об источнике цитирования (ни сноски, ни прямого указания на исходный текст); возможно, для носителей английского языка как на момент написания романа, так и во времена более поздних изданий данная баллада являлась популярным прецедентным текстом и не требовала пояснений. При этом данное высказывание, как и многие другие фразы этого персонажа, носит цитатный характер, потому что это Фрамин (он же — «зелёный человек» из примера 2) говорит это одному из главных персонажей, которого зовут Вэйким, а героя с именем Лорд Рэндалл в романе вовсе нет.

Различия между переводами связаны в первую очередь с инверсией в обращении (*мой сын — сын мой*), которая меняет актуальную структуру предложения (тема-рематическое членение). Перевод Лапицкого вновь следует за оригиналом и не даёт указаний на источник цитаты, что, однако, затрудняет опознавание выражения для русскоговорящих читателей. Можно даже предположить, что титул «Лорд Рэндалл» относится к кому-то из персонажей, просто про него адресату пока ещё не рассказали. Другие переводы приводят сноску с указанием происхождения прецедентного высказывания:

«Лорд Рэндалл, сын мой, тебя опоили...» (строка из шотландской народной баллады) — у Денисова и Барышевой,

«Лорд Рэндалл, сын мой, тебя опоили...» (строка из народной баллады) — у Ганько.

В англоязычной культуре существует много вариантов данной баллады. Так, например, американский фольклорист Ф. Чайлд приводит 19 вариантов этого произведения, и это только поздние записи (Аринштейн, 1988: 464), при этом композиционно и сюжетно все они близки друг другу и различаются в основном именем главного героя, а В. Скотт в своей вступительной заметке к публикации баллады отмечает, что наиболее популярным было имя Рональд (Там же: 464). Наиболее распространёнными переводами баллады на русский язык являются тексты С. Маршака «Лорд Рональд» и Игн. Ивановского «Лорд Рэндэл». Сложно установить, использовались ли какие-то существующие тексты баллады переводчиками Желязны, поскольку форма имени совпадает во всех переводах (*Рэндалл*), при этом это не те варианты, опубликованные ко времени выхода романа (вариант Маршака, видимо, впервые опубликован в 1969 г. (хотя черновые варианты перевода появились уже в 1915–1916 гг.), вариант Ивановского — в 1970–1980-х гг.). В переводе Лапицкого нет примечаний, которые помогли бы учесть широкий контекст и выявить источник, а при сопоставлении текстов имеющих сносок возникают подозрения, что переводчики «Центрполиграфа» просто переписали эту цитату из перевода Денисова — Барышевой. Такой вариант баллады нами, к сожалению, не был найден, но формулировки в сносках совпадают почти полностью, что, в свою очередь, может свидетельствовать о том, что авторы самого позднего перевода не стали сами искать цитируемый источник, а использовали материал предыдущего текста.

В заключение приведём пример, демонстрирующий сложность определения источника цитаты: действительно ли это прецедентное высказывание, которое нужно опознать, или это авторский текст, претендующий на то, чтобы казаться чьей-то цитатой.

(5) R. Zelazny:

«Think instead of broken horses, the curse of the Dutchman, and perhaps a line by the mad poet Vramin, such as, “The bulb resurrects the daffodil, within its season”».

(5a) В. Лапицкий:

«Подумай взамен про обузданных лошадей, о проклятии Летучего Голландца и, может быть, о строке безумного поэта Врамина, например такой: “И луковичка возродит в свой срок изжелта-бледный нарцисс”».

(5b) М. Денисов, С. Барышева:

«Не вспоминай о нём, думай о выезженных лошадях, о проклятии Летучего Голландца или, быть может, о строке безумного поэта Фрамина: “И луковица воскресит нарцисс, когда придёт пора”».

(5с) А. Ганько:

«Лучше думать о загнанных лошадах, о проклятии Летучего Голландца или вспомнить строку безумного поэта Брамина: “И луковица воскресит жёлтый нарцисс в пору цветения”».

Сложно сказать, действительно ли это «стихи безумного поэта», которые он сочинил сам, или это такой же случай, как примеры, рассмотренные нами выше: цитирование Шекспира, где говорящий сознательно «заключает строку в кавычки», или воспроизведение строки на немецком языке с неуточнённой атрибуцией («не помнит, откуда она» — то есть потенциально может принадлежать и ему самому).

Заключение

Цитаты в фантастическом романе Р. Желязны помогают поддерживать интертекстуальную игру с читателем, актуализируя его фоновые знания. Высказывания, указывающие на нефикциональную реальность в заявленном фантастическом повествовании, вносят некоторый диссонанс в сюжет, запутывают читателя, вызывают у него вопросы, что это за цитата, откуда она и какие дополнительные смыслы привносит, тем самым привлекая его внимание. Всё это задаёт достаточно высокие требования к уровню лингвокультурных знаний потенциального адресата.

Различия между переводами связаны, во-первых, с выбором варианта цитаты, а во-вторых, с самим фактом обнаружения переводчиком прецедентного текста и его оформлением. Наиболее последовательно включение цитат в роман и их оформление как «чужого текста» проводит В. Лапицкий. Он сохраняет все случаи использования прецедентных высказываний, повторяет их оформление в оригинальном тексте, а также почти во всех случаях соблюдает отсутствие пояснений для читателя (только в одном случае указывает в сноске перевод немецкой цитаты и её автора). Кроме того, он чаще других использует атрибутированные переводы, давая, таким образом, читателям шанс догадаться, что это цитата. Перевод М. Денисова и С. Барышевой и перевод А. Ганько очень похожи по включению и оформлению цитат, а в некоторых случаях содержат один и тот же текст, при этом вариант Ганько появился значительно позже. Можно предположить, что авторы самого позднего перевода использовали наиболее выгодные решения предыдущих версий, уточняя некоторые переводческие решения в определённых случаях.

Список литературы

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 444 с.

Аринштейн Л.М. Комментарии // Английская и шотландская народная баллада: сб. / сост. Л.М. Аринштейн. М.: Радуга, 1988. С. 455–511.

Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация / под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: Диалог-МГУ, 1997. Вып. 1. С. 82–103.

Захаренко И.В. О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание» // Язык, сознание, коммуникация / под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: Диалог-МГУ, 2000. Вып. 12. С. 46–53.

Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация / под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: Диалог-МГУ, 1997. Вып. 2. С. 5–12.

Петрова Н.В. Проблема определения термина «интертекстуальность» // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева, 2017. № 2 (40). С. 196–200.

Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М.: Спутник+, 2016. 350 с.

Уржа А.В. Приближение или дистанцирование? Использование дейкисиса, анафоры и настоящего исторического в русских переводах «Приключений Тома Сойера» // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание, 2020. № 3. С. 72–83.

Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 195–230.

Austin A. (1874) The tower of Babel, a poetical drama. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://archive.org/details/towerbabelapoet00austgoog/page/n231/mode/2up>

Kovacs C.S. (2009) "...And Call Me Roger": The Early Literary Life of Roger Zelazny. The Collected Stories of Roger Zelazny. Vol. 2: Power & Light. Framingham: NESFA Press, pp. 531–570.

References

Arnol'd I.V. (1999) Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' = Semantics. Stylistics. Intertextuality. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 444 p. (In Russian).

Arinshteyn L.M. (1988) Kommentarii = Comments. *Angliyskaya i shotlandskaya ballada: sbornik*. Moscow: Raduga, pp. 455–511 (In Russian).

Austin A. (1874) The tower of Babel, a poetical drama. (Electronic version). URL: <https://archive.org/details/towerbabelapoet00austgoog/page/n231/mode/2up>

Gudkov D.B., Krasnykh V.V., Zakharenko I.V., Bagayeva D.V. (1997) Pretsedentnoye imya i pretsedentnoye vyskazyvaniye kak simvolyy pretsedentnykh

fenomenov = A Precedent Name and a Precedent Utterance as Symbols of Precedent Phenomena. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya*. Moscow: Dialog-MSU. Issue 1, pp. 82–103 (In Russian).

Fateyeva N.A. (2000) Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov = The Counterpoint of Intertextuality, or Intertext in the World of Texts. Moscow: Agar. 280 p. (In Russian).

Jacobson R. (1975) Lingvistika i poetika = Linguistics and Poetics. *Strukturalizm: "za" i "protiv"*. Moscow: Progress, pp. 195–230 (In Russian).

Kovacs C.S. (2009) "...And Call Me Roger": The Early Literary Life of Roger Zelazny, *The Collected Stories of Roger Zelazny*. Vol. 2: Power & Light. Framingham: NESFA Press, pp. 531–570.

Krasnykh V.V. (1997) Sistema pretsedentnykh fenomenov v kontekste sovremennykh issledovaniy = The System of Precedent Phenomena in the Context of Modern Research. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya*. Moscow: Dialog-MSU. Issue 2, pp. 5–12 (In Russian).

Petrova N.V. (2017) Problema opredeleniya termina "intertekstual'nost" = The Problem of Defining the Term "Intertextuality", *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'yeva*. No. 2 (40), pp. 196–200.

Urzha A.V. (2016) Russkiy perevodnoy khudozhestvennyy tekst s pozitsiy kommunikativnoy grammatiki = Russian Translated Fiction Text from the Perspective of Communicative Grammar. Moscow: Sputnik+. 350 p. (In Russian).

Urzha A.V. (2020) Priblizheniye ili distantsirovaniye? Ispol'zovaniye deyksisa, anafory i nastoyashchego istoricheskogo v russkikh perevodakh "Priklyucheniya Toma Soyvera" = Approximating or Distancing? The Use of Deixis, Anaphora and Historic Present in Russian Translations of "The Adventures of Tom Sawyer", *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. Vol. 19, no. 3, pp. 72–83 (In Russian).

Zakharenko I.V. (2000) O tselesoobraznosti ispol'zovaniya termina "pretsedentnoye vyskazyvaniye" = On the Expediency of Using the Term "Precedent Statement". *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya*. Moscow: Dialogue-MSU. Vol. 12, pp. 46–53 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Филатова Ганна Алексеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Ленинские горы, 1; gphilatova@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8911-0350.

ABOUT THE AUTHOR:

Ganna A. Filatova — Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Senior Teacher at the Department of Russian Language at the Faculty of Philology, Moscow, Leninskiye gory, 1; gphilatova@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8911-0350.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.